

**ЖОЛУДЕВА СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВНА,
ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ
ВОУНБ ИМ. И. В. БАБУШКИНА**

НЕ ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ВОЕННОЙ СУДЬБЫ РЯДОВОГО А. А. ПОЛЯКОВА

Судьба человека, о котором я хочу рассказать, – из разряда самых тяжких и драматичных, – судьба советского военнопленного, погибшего в немецком лагере. Посмертная история таких людей, как правило, тоже трагична: долгие годы они считались пропавшими без вести, а, значит, не были ни героями, ни защитниками своего Отечества. Более того, в отношении их долгое время сохранялись сомнения: а не враг это или предатель, позорно сдавшийся в плен фашисту? Вспомним печально известный приказ Сталина под номером 270, объявивший сдавшихся в плен «изменниками Родины» и призывавший их «уничтожать всеми средствами», а семьи лишать любой государственной помощи.

Александр Александрович Поляков – мой родной дед по материнской линии. Моя бабушка, Елизавета Владимировна Полякова, так никогда и не узнала о том, где погиб и похоронен ее муж. Ее история типична для женщин военной поры: оставшись одна, работала, жила в бараке, поднимала 3-х детей, при этом, по словам ее дочери – моей матери – она не получала никаких пособий как вдова солдата, ведь факт гибели супруга не был подтвержден. В октябре 1941 года она получила извещение о том, что ее муж, рядовой Александр Александрович Поляков, 1912 года рождения, пропал без вести в августе этого же года. И все, больше никаких сведений о своем муже она не имела.

Илл. 1. А. А. Поляков (1912-1942), довоенное фото
Из семейного архива С. А. Жолудевой

И только в связи с открытием военных и лагерных архивов и размещением электронных баз данных в сети Интернет, буквально 6-7 лет назад, стали известны подробности военной биографии моего деда.

В ОБД «Мемориал» были размещены фотокопии персональных карточек военнопленных. Именно такая карточка из лагеря военнопленных *Шталаг-326 VI-K* и пролила свет на судьбу Александра Александровича Полякова.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----

Personalkarte I: Personelle Angaben

Kriegsgefangenen-Stammlager: _____

Behelfung der Gefangenungsakte Nr. _____

Lager: _____

Name: Полковник Полиakov

Vorgame: Alexander Alexandrovich

Geburtsort und -zeit: 1912 в с. Савинское

Religion: православный

Vorname des Vaters: Alexander

Familienname der Mutter: Орлова

Staatsangehörigkeit: Russisch

Dienstgrad: полковник

Truppenteil: 181.2.СБ

Komp. ufw.: _____

Hinterberuf: Машинист

Berufs-Ort: Маулен

Matrikel-Nr. (Stammkarte des Heimatlagers): _____

Gefangennamen (Ort und Datum): Москва

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert: gesund

Bildbild		Nähere Personalbeschreibung	
Größe	Haarfarbe	Besondere Kennzeichen:	
1,65	blau	<u>2/56</u>	
Fingerabdruck des rechten Zeigefingers	Name und Nachname der zu denotationsstehenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen		
<u>[Abdruck]</u>	<u>г. Волкова</u> <u>жена Игоря Васильевича</u> <u>Полкова Евгеньевича Пол.</u>		

Wenden!

[Signature]

В персональной учетной карт.
изменения внесены
Bx. № 296234
20. 3 194 г.

Илл. 2. Учетная карта военнопленного А. А. Полякова. Шталаг-326 VI-K
 Источник: ОБД «Мемориал»

Информацию, которую содержал этот документ, можно разделить на 2 части: первая содержала сведения, позволяющие идентифицировать человека, «опознать» его и уже с уверенностью утверждать, что это именно

тот человек, которого мы разыскиваем. К таким идентификаторам помимо ФИО и года рождения относится домашний адрес и имя супруги. По рассказам моей мамы, которой на момент начала войны исполнилось 5 лет, жили они в районе нынешнего ж/д тоннеля, в Кулацком поселке, в бараке на реке Шограш. Адрес в карте соответствовал этим данным. Имя жены тоже совпало. Известна была и мирная профессия моего деда – *шофер*. Этот факт тоже отмечен в карточке. Внешние данные – *165 см, блондин* – тоже совпадали (дед был невысокого роста, светловолосый). Место рождения – *деревня Скорнево Вологодской области* – оказалось для нас новостью, ведь в семье считалось, что дед был родом из Устюжны. Будем считать, что эти сведения пригодятся при составлении родословной, тем более что из лагерной карточки (вот уж поистине неожиданный источник генеалогической информации!) теперь известна и фамилии прабабушки – Орлова.

Смотрим далее. Область сведений о военной деятельности содержит место пленения – *г. Луга* (Ленинградской обл.), военную профессию – *шофер* и номер войскового подразделения – *181 ОСБ*.

Этих сведений оказалось вполне достаточно, чтобы начать свое собственное расследование. К счастью, в моем распоряжении оказалось много дополнительных источников информации: интернет-форумы, несколько русскоязычных и немецких сайтов о Шталаге-326, книга Михаила Ерина и Георгия Хольного «Трагедия советских военнопленных», целиком посвященная истории этого лагеря, воспоминания Георгия Александровича Хольного о пребывании в Шталаге-326, книга Олега Смыслова «Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях». Я сделала несколько запросов в разные архивы: ФСБ, Вологодского ГВК и ЦАМО в Подольске, чтобы точно установить номер команды, отправленной на фронт, и воинское подразделение, в составе которого находился 181 ОСБ (*отдельный стрелковый* или *отдельный саперный батальон?*). К сожалению, я пока не получила каких-либо конкретных ответов.

Точной информации, касающейся моего деда, оказалось не очень много. Но огромный массив свидетельств, исторических исследований и другого фактического материала, касающегося первых месяцев войны и жизни советских солдат в фашистском плену, позволили воспроизвести общую канву последних месяцев жизни Александра Полякова и наполнить ее бытовыми подробностями и событиями, которые, скорее всего, присутствовали в финале его биографии.

Итак, возьму на себя смелость реконструировать заключительный отрезок жизни моего деда – с 26 июля 1941 года по 4 января 1942 года.

Достоверно известно, что Александр Александрович Поляков, 29-ти лет, был призван именно 26 июля 1941 года Вологодским городским военкоматом. На тот момент он работал водителем грузовика, был женат, имел двух дочерей и сына.

С большой долей вероятности можно утверждать, что он был призван в 34-й запасный стрелковый полк (зсп), который входил в состав 29 запасной стрелковой бригады, дислоцировавшейся в Вологде. 34-й зсп – это армейский учебный полк, через который проходили воины, отправляясь на фронт. Обучение и подготовка в этом полку в течение 1941-1942 гг. были сокращены до минимума – с 6 месяцев до 2-3 недель (а то и меньше). Затем формировались маршевые роты (команды, батальоны), которые отправлялись военными эшелонами в действующую армию, в распоряжение фронтов, армий и войсковых частей. После непродолжительной военной подготовки рядовой Поляков, скорее всего, был отправлен на Ленинградский фронт в 111-ю стрелковую дивизию, входящую в состав Лужской оборонительной группы, созданной для прикрытия юго-западных подступов к Ленинграду. Еще одно совпадение: в состав именно этой 111-й дивизии входило воинское подразделение под № 181 – *181-й отдельный саперный батальон*.

С 25 июля полоса обороны Лужского участка огибала Лугу на самых подступах к городу. Вплоть до 23 августа наши войска удерживали город, но в ночь на 24 августа немецкие части прорвали нашу оборону, тем самым

заставив советские войска отступать в северном направлении и направив их в окружение – огромный Лужский «мешок», или «котел». По разным данным, в окружении оказалось от 20 до 30 тыс. советских солдат и офицеров, несколько сотен танков и орудий. В течение месяца бойцы 111-й СД разрозненными группами выходили из окружения, но удалось это, к сожалению, немногим. По разным данным, из окружения вышло около 6000 человек. Остальные погибли или были взяты в плен. В числе последних оказался и мой дед, рядовой Александр Поляков.

Всех взятых в плен доставляли в оккупированную Лугу, где был организован накопительный лагерь.

В качестве небольшого отступления необходимо рассказать о системе нацистских лагерей.

Добровольно или насильственно попавшие в плен военнослужащие сначала попадали на сборные пункты. Они находились поблизости от районов боев. Здесь проводился первоначальный учет и сортировка пленных. Далее их пешим порядком отправляли в пересыльные лагеря, или как их называли – *Дулагы*, где пленных разделяли на рядовой и командный состав. Эти лагеря создавали поблизости от крупных железнодорожных узлов. Из «пересылок» пленных направляли в тыл в стационарные лагеря, рассчитанные на раздельное содержание рядового – *Шталаги* – и офицерского состава Красной армии – *Офлагы*. Были ещё лагеря, где отдельно содержали военнослужащих летного и морского состава Красной армии. Стоит также упомянуть штрафные лагеря с наиболее тяжелыми условиями содержания военнопленных, куда ссылали провинившихся. Ну и, наконец, *концентрационные лагеря* (типа Бухенвальда, Майданека, Освенцима), созданные для массового умерщвления людей. В такие лагеря военнопленных направляли, как правило, специально для казни.

Вернемся к Луге, в которой с первых же дней оккупации немцы устроили два лагеря для военнопленных. Первый – «Stalag-320» – находился в заречной части города за городским мостом. Территория была обнесена по

периметру колючей проволокой, на вышках стояли солдаты с пулеметами. Лагерь отличался строгим режимом, смертность в нем была огромная. По свидетельствам очевидцев, трупы узников ежедневно вывозили сами военнопленные. Тела складывали на телегу, несколько пленных впрягались в нее и тащили по мощенной кирпичом 4-й Заречной улице до бывшего кирпичного завода. Там сваливали в ямы, слегка присыпали, чтобы на другой день сбросить на них другие тела...

В центре Луги находился второй лагерь – трудовой. Он был организован между проспектом Урицкого и улицами Транспортная и Новгородская (ныне Яковлева и Т. Петровой). Территория была обнесена двойным рядом колючей проволоки. Над лагерем возвышалась сторожевая вышка с прожекторами и пулеметом.

В этих лагерях содержались в основном солдаты 41-го стрелкового корпуса, защищавшего Лужский оборонительный рубеж. В состав корпуса входила и 111-я стрелковая дивизия. Фашисты при поступлении очередной партии пленных сразу же производили фильтрацию: выявляли и расстреливали комсостав, политработников и рядовых коммунистов, представителей советской власти, евреев, цыган. На остальных пленных составлялись списки по месту их будущего пребывания в стационарных лагерях (*Шталагах*), находящихся на территории Польши и Германии.

Илл. 3. Транспортировка советских военнопленных в Германию осенью 1941 г.
Источник: журнал «Вермахт» № 23 от 5.11.1941 г.

Дальше путь военнопленных лежал в Шталаги или Офлаг. Как правило, транспортировка проходила по железной дороге в открытых вагонах для перевозки угля, извести или скота. В такие вагоны плотно набивали по 70-80 человек — так что люди не могли ни сесть, ни просто элементарно пошевелиться. Ехали до места назначения по несколько суток, обычно не получая на всем протяжении дороги ни воды, ни хлеба. Многие военнопленные были не в состоянии перенести тяжёлую поездку, заболевали и умирали дорогой, трупы выносить из вагона не разрешалось. Так и стояли до места назначения, вперемешку — живые и мертвые....

Эшелоны военнопленных, направляемых в Шталаг-326 VI-K, прибывали на конечную станцию Хёвельхов. Из вагонов выгружали мертвых, скидывали как дрова в пригнанные телеги. Иногда вперемешку с мертвыми закидывали еще живых, но очень ослабленных после тяжелой дороги людей... Из свидетельства очевидца одного такого этапа, немецкого

подростка: *«В то время я ежедневно ходил вдоль путей в школу и видел выгрузку из вагонов, после которой пленных выстраивали в колонны и гнали в лагерь. По пути оголодавшие русские срывали листву с деревьев, их били, в них стреляли. Тех, кто не мог идти, везли на повозках...» [2].*

Из рассказа бывшего военнопленного лейтенанта Здор Дмитрия Марковича из Черниговской области:

«Это было 7 июля 1941 года. Истощенные, измученные до полусмерти дорогой, без воды и пищи тянулись длинной колонной русские военнопленные со станции Хевелхоф в лагерь 326. В шталаге мы получили по 3-4 картофелины и по кусочку черного суррогатного хлеба. На ночь мы оставались под открытым небом и, чтобы согреться, развели костры. Но греться нам не пришлось, так как немцы открыли по горящим кострам стрельбу. Утром построили всех в колонны, и мы стояли по команде «смирно» около четырех часов, дожидаясь глотка чая. Построение происходило при помощи собак и палок. Когда собака сбивала с ног военнопленного, к нему подсакивали 3-4 немца и избивали его до потери сознания...» [2].

Шталаг-326 летом и осенью 1941 года представлял из себя небольшой лесистый участок площадью 1000 на 400 м, огороженный колючей проволокой. По периметру стояли вышки с пулеметами, территорию патрулировали автоматчики. Не было ни бараков, ни водопровода, ни канализации — только огороженная лесистая местность с водяным насосом. Располагался лагерь на границе военного полигона Зенне, недалеко от города Падерборна. Иногда к названию лагеря прибавляют «Форелькруг» — по названию постоянного двора, где располагалась комендатура лагеря [4; 23].

Stalag Kriegsgefangenen Mannschatsstammlager — в переводе — «стационарный лагерь для военнопленных низших армейских чинов». Номер от 300 и выше присваивались лагерям военнопленных в период войны с Советским Союзом. Римская цифра VI и буква «K» показывали принадлежность лагеря к 6-му военному округу с центром в Мюнстере.

Трёхзначные номера арабскими цифрами присваивались транзитным (пересыльным) лагерям. Шталаг-326 (VI-K) был и базовым и пересыльным лагерем. В годы войны его чаще называли «лагерь русских», которых было подавляющее большинство в этом Шталаге [4; 26].

Осень 1941 года была пасмурной, часто шел дождь. Жить под открытым небом было невозможно. В середине июля, с разрешения немцев, люди начали рыть ямы для жилья. Это был тяжелый каторжный труд. Лес пилили колючей проволокой, землю копали котелками и ложками, сосновыми сучьями. Через несколько дней от растительности на месте лагеря не осталось и следа – все пошло на укрепление землянок. Не осталось даже корней в земле. При непрерывном дожде ямы наполнялись водою. Нередко они обваливались, заживо погребая людей. После отбоя люди не имели права выходить из своих нор. Оправлялись в ямах. Тех, кто выходил наружу, расстреливали из автоматов. Первые бараки стали появляться в лагере поздней осенью 1941 года [4; 23].

Илл.4. После постройки бараков часть пленных оставалась жить в землянках. Фото 1942 г.
Фото из открытых источников

Лагерь выполнял функции не только стационарного лагеря, но и Дулага. Здесь происходила сортировка, проверка, разбивка военнопленных по командам и отправка из лагеря – в основном, на шахты и предприятия Рурского горнодобывающего бассейна. Сортировка проходила по национальному признаку и по армейским чинам. Около 6000 офицеров, попавших в Шталаг, были отправлены в Бухенвальд для умерщвления. Непригодных для каторжного труда медленно уничтожали голодом, холодом, скученностью в бараках, побоями. На некоторых пленных ставили медицинские эксперименты: ампутировали здоровые конечности или намеренно заражали инфекционными заболеваниями и следили за симптоматикой.

Пожалуй, самым сильным испытанием для пленных был голод. Его пик падает на зиму 1941/42 г. и на весну 1945-го. Жизнь впроголодь была самым непереносимым чувством, доставляя огромные физические и физиологические страдания. «Муки голода, – пишет один из военнопленных Шталага-326 А. С. Васильев, – ни с чем не сравнимы. Терзаясь ими, понимаешь, что человек ради куска хлеба готов пойти на бунт, на казнь» [4; 38].

Голод разъединял людей, делая их подозрительными и жадными, лишал порой остатков человечности. Людоедство было не редкостью среди пленных. Люди убивали друг друга, поедали умерших. Голод был одной из причин побегов и воровства. Он заставлял пленных воровать, хотя это было связано с большим риском, и совершать побеги, несмотря на строжайшую охрану [4; 39].

Все пленные, прошедшие через Шталаг-326, пишут в своих воспоминаниях о жестоком обращении, об издевательствах над ними и о враждебном отношении немцев. Этот лагерь приобрел печальную славу своей неблагоустроенностью, дикими порядками в обращении с военнопленными, зверством лагерной полиции, ее всевластием в блоках. В

лагере господствовал особый режим, способствовавший быстрому уничтожению советских пленных. Чаще всего по отношению к ним применялись кнут, плеть, палка, дубина, «строевая» муштра, подвешивание к «столбу» [4; 45].

Военнопленные в лагере задерживались обычно от 3-х до 6-ти недель, количество узников колебалось от 6-7 до 30 тысяч. По последним данным, всего с июля 1941 года по 1 марта 1945 года в Шталаге 326 было зарегистрировано около 308 000 советских военнопленных. Однако окончательное число до сих пор неизвестно. Как и число погибших. Считается, что всего в лагере погибло около 65 000 солдат и офицеров [4; 103].

Мой дед – Поляков Александр Александрович – умер 4 января 1942 года. Об этом свидетельствует надпись на карточке, сделанная по диагонали красным карандашом. На обратной стороне карточки находится единственная отметка, указывающая на то, что 13 декабря 1941 года военнопленный Поляков попал в «ревир» – лагерный лазарет. Известно, что зимой 1941-42 года в лагере свирепствовал сыпной тиф, от которого ежедневно умирали десятки заболевших. Он-то и мог стать причиной гибели моего деда.

Шталаг-326 еще 3,5 года после этого принимал этапы с советскими военнопленными. История этого лагеря – еще одно свидетельство звериной сущности фашизма и непредсказуемости человеческого выбора перед лицом смертельной опасности. Известно, что часть военнопленных приняла предложение руководства лагеря и власовских вербовщиков о сотрудничестве. Кто-то делал это из страха за собственную жизнь, но были и «идейные». Среди них выделялся особой жестокостью старший полицай Александр Снегирь – Сашка Рыжий – бывший боец Красной Армии [2].

Большая часть пленных, столкнувшихся с садизмом своих надзирателей, постоянным голодом, холодом, отсутствием каких-либо человеческих удобств, находилась в состоянии постоянного

психологического стресса, ступора, шока. Все их желания были трансформированы в одно – выжить и не испытывать непроходящего голода, страха и боли.

Немногие в таких условиях были готовы на противостояние, но все-таки в лагере было Соппротивление, участники которого совершали побеги, саботировали приказы своих мучителей и спасали товарищей от гибели.

Все это было позднее. Как и освобождение лагеря 2 апреля 1945 года американскими солдатами.

Илл. 5. Военнопленные в лагере Шталаг-326 VI-K
Фото из открытых источников

Александр Александрович Поляков прожил недолгую жизнь. Его война была короткой. Вполне вероятно, что на ней он не убил ни одного фашиста. Но для меня он герой, защитник, потому что не стал власовцем или лагерным полицаем, а предпочел смерть дополнительной пайке. Теперь моя семья точно знает, что он не пропал без вести в далеком 41-м, а лежит в немецкой земле Северный Рейн-Вестфалия в местечке Штукенброк, и номер его

захоронения 2156. А значит, родных мест на земном шаре в нашей семье стало на одно больше.

Вернее, на два. У этой истории есть неожиданное продолжение. Луга, в которой был взят в плен мой дед, была освобождена ровно через два года после его гибели. В боях за ее освобождение участвовал мой второй дед – Новожилов Николай Алексеевич. Вместе с 67-й армией, в которую входил его 53-й отдельный инженерный батальон, он воевал на Ленинградском фронте. 15 февраля 1944 года ефрейтор Новожилов героически погиб и был похоронен на лужском городском кладбище.

Список источников и литературы

1. Лосев А. Непокоренные [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.luga.ru/about/istorija/nepokorennye> (Дата обращения: 28.02.2020)
2. Stalag 326-VI-K Штукенброк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sites.google.com/site/stalag326/arhiv-stalaga-326> (Дата обращения: 28.02.2020)
3. Смыслов О. С. Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях / О. Смыслов. – Москва : Вече, 2014. – 610 с.
4. Ерин М. Е. Трагедия советских военнопленных (история шталага 326 (VI К) Зенне. 1941 – 1945 гг.) / М. Е. Ерин, Г. А. Хольный. – Ярославль, 2000. – 138 с.